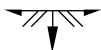

**СВЕТЛЫМ МАГАМ
ВХОД ВОСПРЕЩЕН**

МОСКВА
2 0 2 1

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е91

Разработка серийного оформления
О. Закис

Иллюстрация на обложке
И. Косулиной

Ефиминюк, Марина Владимировна.

Е91 Светлым магам вход воспрещен / Марина Ефиминюк. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-111917-1

Моя младшая сестра выходит замуж за беспринципного темного мага... Ладно, возможно, он парень порядочный, но его братья точно беспринципны! Некромант-мизантроп, инкуб-ловелас и, конечно же, вселенское зло — черный властелин. И все трое так рады свадьбе, что поневоле возникает мыслишка, а не задумали ли будущие родственники какую-нибудь каверзу? Но не зря я, Агнесс Эркли, считаюсь лучшей в защите от темных чар! И сестру в обиду не дам, и семейную честь отстою. Лишь бы сердце не дрогнуло и не вмешались возмутительные чувства.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ефиминюк М.В., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2021

ISBN 978-5-04-111917-1

Глава 1

НЕ ЖДАЛИ?

— Агнесс, моя ненаглядная дочь, как же мы тебя ждали! — протягивая руки, радостно воскликнула матушка.

Непривычно теплый прием настолько пугал, что я позорно попятилась, отгородившись от родительницы увесистым золотым кубком. Любая на моем месте запаниковала бы! Если четыре года подряд домашние напрочь забывали о приезде студентки на зимние каникулы, а на пятом курсе вдруг встретили с буйным восторгом, то имело смысл держаться поближе к входной двери, чтобы шустро ретироваться на улицу в случае чего.

В материнские объятия меня тараном впихнул дорожный сундук, вальяжно вплывший по воздуху с улицы.

— Добрых дней, милое чадо, — проворковала матушка, запечатлев на моем веснушчатом лбу торжественный поцелуй.

Она «под мухой», что ли?!

Правду о жизни в семье с тремя детьми я, вторая по счету дочь, открыла еще в нежном возрас-

те и к двадцати годам в полной мере смирилась с этим печальным знанием. Первенец — это материнская гордость, воплощение амбиций, надежда на безбедную старость. Младший — неожиданная радость в то паршивое время, когда в семейных буднях остается одно удовольствие: потрепать нервы дражайшему супругу. А средний ребенок — прости пресвятой Йори — запасной.

Где только матушка меня не забывала! В шесть лет случайно оставила на весенней ярмарке в компании карамельного яблока на палочке. Во втором классе гимназии нечаянно запамятовала, что отправила на экскурсию в заповедник магических существ, и страшно удивилась, обнаружив на пороге за руку со взбешенной преподавательницей. На первом курсе в родительский день посетила какую-то другую академию и жутко обиделась за то, что я не появилась. В общем, если начать считать, то не хватит пальцев на руках и ногах. И каждый раз во время этих нелепостей отец был занят на магической службе. Он-то никогда не путал ни точное количество дочерей, ни названия их учебных заведений.

— Добрых дней, — ошеломленно поздоровалась я и покосилась на мамину помощницу по хозяйству, пытаюсь отыскать в румянном лице Мейбл ответ — что происходит. Может, подмигнет или закатит глаза? Но обычно трезвомыслящая тетушка улыбалась придурковато-вкрадчивой улыбкой храмовой блаженной.

Я немедленно уверилась, что случилась какая-то страшная беда, о чем и спросила без лишних экивоков, не снимая шляпки и голубого формен-

ного пальто с гербом магической академии на рукаве. Опять-таки убежать на морозную улицу лучше одетой, чем раздетой.

— Много чего случилось. Даже слишком много! — забирая из моих рук кубок, оповестила мама и охнула: — Какая тяжелая уродливая чашка!

— Это кубок, — поспешно пояснила я, пока в голове у родительницы не созрел план превратить награду за победу в турнире по защите от темных чар в емкость для хранения пуговиц. — Вручили за первое место в турнире.

— Ты участвовала в соревнованиях? — не слишком талантливо изобразила заинтересованность родительница. — Не знала, что такие проводят на факультете бытовой магии.

— Изредка, — уклончиво согласилась я. — Хотела папе подарить.

В матушкиной голове никак не приживалась мысль, что ее *дурнушка Агнесс*, единственная из трех дочерей обладающая даром, изучала сложное искусство защиты от темных сил и более того — претендовала на золотой диплом. Родительница находилась в твердой уверенности, что я пошла по стопам отца — мага-бытовика средней руки — и с трудом тянула учебную лямку исключительно от невозможности удачно выйти замуж. А еще потому, что была рыжей. Во всех смыслах этого слова.

— Твой отец непременно придет в восторг, — уверила матушка. — Когда очнется в лечебнице ковена.

— Что?! — подавилась я на вдохе. Сундук громыхнул на идеально чистый паркет. Слава всем святым, внутри не лежало ничего быющегося.

Через минуту, наспех разоблачившись и сунув ноги в растоптанные домашние туфли, я сидела на жестком диване в маленькой гостиной. Наш дом всегда отличался крайней опрятностью: ни пылинки, ни соринки, ни клочка паутины в углу. Вещи в шкафах никогда не ела моль, воздух пах цветочным ароматом, а ковер с узорами уже лет пятнадцать выглядел как новенький. В жилище мага-бытовика иначе и быть не могло. Ворчливую помощницу по хозяйству наняли, когда папа обзавелся парочкой подмастерьев. «Чтобы соседки завидовали статусу Эрки», а не от острой необходимости.

— Вчера вечером твой отец решил поскользнуться на обледенелой брусчатке и получить сотрясение мозга... — пожаловалась мама из глубокого кресла с высокой спинкой. — Агнесс, куда ты вскочила? Сядь! Моргана напоили специальными снадобьями. Он проспит еще сутки.

Я обнаружила, что действительно стою на ногах и готова во весь опор, теряя по дороге обувь, нестись к папе. Неловко потоптавшись, пристроила пятую точку обратно на диванные подушки.

— Твоя старшая сестра решила стать матерью, — со скорбью в голосе продолжила она, не дав толком переварить новость об отцовской травме.

— Когда? — охнула я.

— К сожалению, в ближайшие дни.

Мы с Глорией виделись в начале лета, когда я навещала родных перед практикой. Она собралась очередной раз разводиться и сбежала от мужа в родительский дом. В смысле, перенесла сундук с вещами — парочка жила на соседней улице. Со скорбной миной сестра бродила по комнатам

и любой разговор сводила к тому, что все мужчины — зло в перевозданном виде. А теперь эта жертва неудачного брака была на сносях? Что я еще пропустила?!

— Твоя младшая сестра решила выйти замуж, — поделилась новой вестью матушка.

Весной Катис исполнилось восемнадцать. Она кое-как окончила женскую гимназию и устроилась на работу в шляпную мастерскую. Понятия не имею, была ли сестра умелой шляпницей, но цветочки из ткани у нее действительно выходили ладные.

— В ближайшие дни? — осторожно уточнила я, почти уверенная, что брачный обряд непременно совпадет с тем моментом, когда ребенок Глории решит осчастливить мир своим появлением.

— Было бы неплохо, но, к сожалению, летом. — Мама заметно оживилась, глаза заблестели. — Замечательный молодой человек: статен, высок, хорош собой. Очень выгодная партия. Шейн из родовитой семьи темных.

— Кэтти выходит за темного мага?!

Младшая сестра собиралась связать жизнь с одним из тех негодяев, от подлых проклятий которых меня учили защищать невинных людей! Я почувствовала настойчивое желание накапать прямо в кубок пару десятков успокоительных капель и принять в неразбавленном виде, не запивая водой. Жаль, что от валерьянового корня теряла связь с реальностью. Как кошка, право слово.

— Его старший брат пригласил Катис на семейное торжество, а у нас настоящий бедлам! — вдохновенно жаловалась мама. — Морган надумал сотря-

сти последние мозги, а Глории не хватило мозгов сделаться матерью в следующем месяце. Невеста не может ехать в дом жениха без компаньонки, а мне придется остаться. Сестру сопроводишь ты.

— Я?!

— Почему в твоём лице священный ужас, Агнесс? — сухо уточнила мать. — Тебе даже дорожный сундук не надо разбирать, все равно утром выезжаете.

Будущего специалиста по защите от темных сил буквально засылают в стан идейного врага, где абсолютно все этими самыми силами пропитано! Это почти магический шпионаж, а ведьмаков булочками с маком не корми, только дай угробить какую-нибудь выпускницу академии светлой магии. Да у меня от одной мысли обостряются все инстинкты! Кроме инстинкта размножения, само собой. Зато тот, который отвечает за самосохранение, подсказывает сбежать обратно в академию и провести каникулы в общежитии. Жаль, что я уже успела снять пальто и переобуться...

— Мама, я светлый маг, — пришлось напомнить, если вдруг она запаматовала. Ну, всякое бывает.

— Ты ещё не получила диплом.

— По кодексу нам запрещено входить в дома темных, — проигнорировала я обидный намек, что пока не имею права называться настоящим магом.

Что-то она не очень волновалась об отсутствии у дочери диплома, когда прошлым летом втайне от папы попросила зачаровать двери в доме своей приятельницы от проникновения бывшего мужа этой самой приятельницы. Мужик, помнится, по-

пытался забраться через окно, так что пришлось и на окна поставить магический полог.

— Глупая, изжившая себя традиция! — всплеснула матушка руками. — Жених твоей сестры, между прочим, не отказался от трапезы в нашем доме. У Шейнэра превосходный аппетит!

— Это, конечно, в корне меняет дело, — не сдержала я мрачный смешок.

— Семья Торстен широких нравов.

Еще бы! Темные никогда не отличались манерами, да и нахальства им было не занимать, а в долг давать.

— И вообще, подумаешь, светлый дар! — недовольно фыркнула мама — Если о недостатках не говорить вслух, то их никто не заметит. У Шейнэра, чтобы ты знала, трое старших братьев. Глядишь, и к тебе кто-нибудь присмотрится...

Она окинула меня скептическим взглядом, видимо, понимая тщетность надежд. В юности мама слыла настоящей красавицей, и сестрам повезло унаследовать ее точеные черты лица, благородный медовый цвет волос и аристократическую бледность, хотя аристократы, насколько мне было известно, в нашем роду не отметились. А я пошла в папу, обладателя рыжих непослушных вихров и щедрой россыпи веснушек.

До сих пор не могу понять, из каких соображений амбициозная матушка выскочила замуж за нашего отца, Моргана Эрки. Он был замечательным семьянином, внимательным мужем, хорошим родителем, но с карьерой у него не сложилось, даже в провинциальный ковен Глемина его призвали только благодаря протекции мэра.

— Ко мне присмотрится темный? — Страшные слова застряли комом, а по спине побежали мурашки. — Какая... свежая идея.

— Рада, что ты со мной согласна, — не различила мама иронии.

После того, как все планы, в том числе матримониальные, были озвучены, меня наконец накормили. Кэтти, как назло, задерживалась у портнихи, и обедать пришлось наедине с родительницей. Мейбл готовила божественный пирог с куриными потрохами, но под укоряющим взглядом мамы, каким она провожала каждый отправленный в рот кусок, этот самый кусок застревал в горле. Видимо, как раз в том месте, где стояла комом новость о том, что в ближайшее время мы породнимся с семьей ведьмаков.

— Агнесс, что ты терзаешь этот пирог, будто он в чем-то провинился? — фыркнула мама, изящно держа нож с вилкой.

— А? — Я посмотрела на тарелку. Кусок лакомства, услада для измученной столовской пищей студентки, был препарирован на мелкие кусочки. В жизни не подумала бы, что вкусная еда могла пасть в желудок камнем.

На этом трапеза закончилась. Прихватив тяжелый кубок, я все-таки поехала к папе в лечебницу. Матушка не соврала: опоенный особыми живительными снадобьями, он крепко спал на спине и даже прихрапывал. Из-под колючего шерстяного одеяла высывалась нога с тугой повязкой на голени. Оставалось поправить сползший покров и в обнимку с кубком тихонечко посидеть возле кровати.

В крошечной палате было тихо и очень спокойно. Сквозь окно сочилось холодное зимнее солнце, рисовало на полу узорчатую тень от кованой оконной решетки. В какой-то момент я клюнула носом, ударилась лбом о край позолоченной посуды и поняла, что позорно заснула возле больного. Наверстила, называется!

Куда пристроить кубок — не придумала, поэтому поставила его на самое видное место: на подоконник. И наложила заклятие клейкости, чтобы ни одна воровская ручонка не стащила священную для меня во всех отношениях вещь.

— Увидимся, когда проснешься, — попрощалась с отцом...

Стоило перешагнуть через порог родительского дома, как на меня налетела Катис и ткнула в нос рукой, пытаясь продемонстрировать кольцо с большим прозрачным камнем. От неожиданности я попятилась и с размаху плюхнулась на сундук, по-прежнему стоящий поперек холла.

— Агнесс, я выхожу замуж! — радостно объявила сестра. — Смотри, какой огромный камень!

— Обалдеть, — ошарашенно согласилась я, приглядываясь к старинному украшению, скорее всего принадлежавшему какой-нибудь прабабке жениха. Зуб даю, что натуральной черной ведьме. Надо бы проверить его на темные заклятия.

— Оно, конечно, старомодное, но на первое время и так сойдет! — объявила Кэтти и немедленно убрала руку, едва я попыталась прикоснуться к камню кончиком пальца, засветившегося голубоватым магическим свечением.

Остаток вечера был убит на примерку новых платьев, которые сестра заказала специально для поездки в «обитель зла». Кэтти крутилась перед высоким напольным зеркалом, прикладывала к себе то один, то другой наряд и с восторгом рассказывала о женихе. С Шейном, сыном семьи темных магов Торстен, она познакомилась в шляпной мастерской. Имя жениха произносилось с придыханием и настораживающим блеском в больших синих глазах.

— Это была любовь с первого взгляда! — прижимая к груди небесно-голубое шелковое платье, которое ей необыкновенно шло, восхищалась невеста то ли своим отражением в зеркале, то ли свалившейся как снег на голову первой любовью.

Да это же приворот чистой воды! Вернее, мутной — очень мутной — воды.

— Я увидела Шейна из-за занавески и поняла, что он именно тот! Пришлось сбежать с работы и *случайно* встретиться с ним на торговой площади.

Увы, не приворот. А я-то раскатала губу, что практикуюсь.

— Не представляешь, как я боялась, что его семья будет против! Даже ночью спать не могла! Нет, может, конечно, могла... но очень тревожно. Прямо с боку на бок все время ворочалась! — уверила невеста. — А потом старший брат Шейна передал приглашение на семейное торжество. Он, между прочим, у Торстенов самый главный маг.

— Ведьмак, — вырвалось у меня.

— Вот я и говорю, что маг, — не обратила внимания Катис на справедливую во всех отношениях ремарку. — Шейн думает объявить о свадьбе во вре-

мя праздника. Все равно все родственники соберутся. Не придется потом каждого посещать с визитом.

Они собирают шабаш?! Может, вообще будут на метлах летать? Конечно, ни разу не слышала, чтобы кто-то летал на метле. Сверзишься с высоты — костей не соберешь. Безусловно, если останется, что собирать. Но вдруг именно в этой семье обладают особым колдовством и держат целую стаю летающих ведьм?

— И какой праздник нас ждет? — сдержанно уточнила я.

— В конце седмицы у Ристада день рождения.

— Кто такой Ристад?

— Старший брат, — закатила сестра глаза.

Точно будет разнузданный шабаш!

— Шейн говорил, что ему исполняется тридцать с чем-то там... Тридцать три? Я не запомнила, но он совсем древний старик, — вздохнула Кэтти, отбрасывая платье на спинку кресла.

«Древний» властелин, входящий в особый для темной братии возраст, объявил общий сбор? Нас ждет не просто залихватский шабаш, а с темными ритуалами и жертвоприношениями!

У меня отчаянно зачесалось под платьем между лопатками. Вряд ли ангельские крылья проклюнулись. Значит, от дурного предчувствия.

— Агнесс, — вдруг изменившимся голосом позвала Катис. — Вдруг я им не понравлюсь?

— Понравишься. Не сомневайся, — твердо ответила я и, поднявшись с кровати, ласково обняла сестру. — Ни о чем не беспокойся. Главное, не участвуй в ритуалах. Даже если будут улаживать — все равно не участвуй. Прояви силу воли!

— Каких еще ритуалах? — с обескураженным видом отстранилась она.

— Вообще ни в каких! — отрезала я.

Пока Кэтти под чутким маминым руководством утрамбовывала в большой дорожный сундук «все самое необходимое», мне пришлось провести ревизию собственного багажа.

В обычные дни я носила форму, как и приписывали правила, но появиться в глубоком тылу идейного врага в одежде с гербом светлой академии на рукаве, по-моему, было сродни тому, как потрясать красной тряпкой перед мордой бодучего быка. Нет, размахивать, конечно, никто не запрещал: трясись сколько влезет, можно и задорный танец сплясать, если смелый и совсем не дружишь с головой. Главное, уметь прытко бегать и хорошо прятаться.

С головой я дружила и сильно сомневалась, что бегала быстрее стаи летающих на метлах ведьм, поэтому вытащила из сундука комплект академической формы, конспекты лекций, ученический светлый гримуар, а вместо них аккуратно уложила любимое домашнее платье и скромный халат совершенно нескромной расцветки с ядрено-розовыми цветами. Одежду поприличнее собиралась одолжить у Кэтти — рост и комплекция у нас были одинаковые. Даже в груди природа одарила похоже, в смысле, не особенно щедро.

Тяжеловесный зимний экипаж остановился возле дома ровно в десять утра и почти полностью перекрыл узкую заснеженную улочку. Пока грузили багаж, матушка напутствовала нас, словно отправляла боевых магов на сверхсекретное задание, целью которого являлось соблазнение всех местных

мужчин — не важно, ведьмаки они или простые бедняги, просто случайно попавшие под раздачу.

— Помните, мои дорогие дочери, что главный арсенал женщины — это улыбка, хорошие манеры и умение в нужный момент таинственно промолчать! — сказала мама, имеющая мнение обо всем на свете и не упускающая момента этим самым мнением поделиться, даже если оно никого не интересовало.

— Улыбка, хорошие манеры и молчание! — словно оруженосец королевского генерала перед сражением, серьезно кивнула Кэтти и покрепче прижала к груди нечитанный томик философского романа, призванный выказать ее интеллектуалкой.

— Таинственное молчание, — поправила мама, ласково дотронувшись пальцем до кончика носа Катис.

Я считала, что в доме ведьмаков лучшее оружие женщины — магический аркан, способный в мгновение ока спеленать противника по рукам и ногам, но мудро оставила это во всех отношениях полезное знание при себе.

— Агнесс? — с нажимом произнесла «генеральша», видимо, понимая, кто именно в дочернем тандеме слабое звено.

— Все понятно, — стараясь скрыть иронию, кивнула я. — По-умному молчать и не вытирать руки о скатерть.

— Умеешь ты перевернуть! — возмутилась мама. — Почему нельзя быть милой?

По утрам я физически была не способна источать обаяние и наряжаться в хорошие манеры. Лишить кого-нибудь голоса на пару минут, пока мы с Кэтти